

Все последующие дни жизнь Чу Яна была до неприличия комфортной и беззаботной.

За окном бушевала ледяная зима. Голые ветви деревьев раскачивались на пронизывающем ветру и гнулись под тяжестью снега, и лишь изредка тишину нарушал тихий шорох осыпающихся сугробов.

А вот в комнате царила совершенно иная атмосфера – теплая, словно весной. Обогреватель тихо гудел, надежно отсекая любой намек на холод.

Чу Ян, одетый в плотную, уютную пижаму, свернулся калачиком под мягким одеялом. Уткнувшись лицом в подушку, он сладко спал.

Солнце уже вовсю припекало ему задницу, когда ближе к полудню он наконец-то неспешно проснулся. Он перевернулся на спину, лениво, с наслаждением потянулся и вдруг уловил умопомрачительный аромат.

Открыв глаза, он увидел Цзян Цзюэ, который как раз подходил к кровати, держа в руках две пиалы с дымящейся лапшой. Солнечные лучи, льющиеся из окна, падали на мужчину, окутывая его холодный профиль мягким, теплым светом.

– Проснулся? – Цзян Цзюэ поставил пиалу на тумбочку. Его голос звучал низко, но удивительно мягко. – Ешь, пока горячее.

Чу Ян мгновенно сел. Воротник его пижамы съехал набок, небрежно обнажив ключицу, а волосы на голове торчали в разные стороны, напоминая взъерошенное птичье гнездо.

Он сунул нос к пиале, принялся, и его глаза тут же загорелись, прямо как у голодного котенка, которому принесли лакомство:

– Брат Цзян, эта лапша пахнет просто божественно!

В пиале каждая лапшинка лежала одна к одной, густой томатный соус выглядел невероятно аппетитно, а венцом этого кулинарного шедевра служила золотистая яичница-глазунья.

Схватив палочки, Чу Ян подцепил порцию лапши и отправил в рот. Он довольно прищурился, а его щеки раздулись от еды, как у хомяка.

– Брат Цзян, ты готовишь просто отпад, – невнятно пробормотал он с набитым ртом, энергично показывая большой палец. – Если бы ты открыл свою лапшичную, отбоя бы не было. Очередь стояла бы от начала и до конца улицы!

Постепенно он начал жевать медленнее, а его взгляд сам собой скользнул к сидящему напротив Цзян Цзюэ.

Даже то, как этот человек ел, выдавало вьевшуюся в подкорку дисциплину.

Его длинные, изящные пальцы уверенно держали бамбуковые палочки. Движения были неспешными, размеренными, и ел он настолько тихо, что почти не издавал ни звука. На этом лице с резкими, точеными чертами чаще всего не отражалось никаких эмоций, линия челюсти по привычке была слегка напряжена, источая ледяную ауру в стиле «посторонним вход воспрещен».

Но именно этот суровый человек все последние дни так трепетно о нем заботился.

В груди Чу Яна разлилось приятное тепло. Он не удержался и втайне подумал: «Интересно, какому же небожителю в будущем достанется этот парень, такой холодный снаружи и заботливый внутри? Вот это будет джекпот».

Услышав похвалу, Цзян Цзюэ лишь слегка приподнял веки. Его густые ресницы едва заметно дрогнули, а уголки губ изогнулись в легкой полуулыбке.

– Ешь давай, – бросил он ровным тоном. Но в его голосе не было ни капли упрека – наоборот, в нем сквозили нотки откровенного потворства.

Чу Ян довольно хихикнул и, больше не проронив ни слова, уткнулся в пиалу, полностью сосредоточившись на уничтожении восхитительной еды.

Он ел быстро, но без дикой жадности – скорее, с каким-то самозабвенным наслаждением, в

итоге до последней капли выхлебав даже остатки густого бульона на дне пиалы.

Облизнув губы с явным желанием добавки, он вдруг словно о чем-то вспомнил и заговорил:

– Точно, брат Цзян, скажи, разве это не странно? Ван Жуй и те двое уже дня четыре-пять не стучали в нашу дверь, выпрашивая еду, – он слегка нахмурился, и на его лице промелькнуло недоумение. – Когда они приходили в последний раз, они же ныли, что у них вот-вот закончатся припасы? И с чего бы вдруг такое затишье? Неужели... они нашли какую-то другую лазейку?

Цзян Цзюэ как раз тоже закончил с едой. Отложив палочки, он взял бумажную салфетку и промокнул уголки губ.

Услышав слова Чу Яна, он даже взглядом не дрогнул, лишь спокойно констатировал:

– Жизнь и смерть предрешены судьбой.

Сделав паузу, он скользнул темным взглядом по Чу Яну.

– Нам достаточно думать только о себе.

Как-то уж слишком хладнокровно это прозвучало.

Чу Ян на секунду опешил, но тут же опомнился и кивнул.

В постапокалипсисе излишнее мягкосердечие – паршивое качество. С таким настроем недолго и самому в могилу слететь.

Брат Цзян прав. В эти темные времена, если у тебя получается сберечь хотя бы собственную шкуру – нужно уже возносить молитвы небесам.

– И то верно, – Чу Ян выбросил лишние мысли из головы.

Повинуясь мысленному приказу, он достал из своего пространства пачку классических семечек, привычным движением разорвал упаковку и принялся лениво их лузгать, оглашая уютную комнату ритмичным, звонким похрустыванием.

Он и понятия не имел, что в это самое время в одной из комнат на четвертом этаже разворачивалась совершенно иная картина.

...

Четвертый этаж. Комната Чжао Юнин.

В воздухе витал непередаваемый, тошнотворный смрад – смесь запаха немытых тел, гниющих остатков еды и липкой, похотливой духоты.

Комната находилась в полнейшем хаосе, повсюду валялись небрежно брошенные вещи и мусор.

Ван Жуй лежал на животе, сбросив рубашку. Развалившись на более-менее чистой кровати, он жмурился от удовольствия, наслаждаясь персональным обслуживанием.

– М-м-м... чуть левее... да, прямо тут, нажми-ка посильнее... – блаженно протянул он, раздавая команды человеку позади себя.

Чжао Юнин сидела на коленях у него за спиной. Ее тонкие пальцы ритмично разминали его слегка заплывшую жирком спину.

Руки девушки давно ныли от усталости, а кончики пальцев мелко дрожали, но она не смела остановиться.

Опущенные длинные ресницы скрывали бушующую на дне глаз черную ненависть и горькое сожаление.

Подумать только, до апокалипсиса она, Чжао Юнин, всегда была в центре внимания, словно луна в окружении звезд! Вокруг нее вились сплошь молодые таланты да наследники богатых империй. Да такой мусор, как Ван Жуй, даже шнурки ей завязывать не достоин!

При их первой встрече в коридоре, заметив его сальный взгляд, она решила, что это просто тупой, безмозглый кусок мяса. Она думала, что стоит лишь слегка пустить в ход женские чары, и она легко обведет его вокруг пальца, заполучив бесплатную кормушку и телохранителя на первое время.

Кто же знал, что этот человек совершенно не из тех, кто умеет беречь и лелеять женщин. Грубый, с непредсказуемым характером, а порой до крайности жадный и мелочный. В хорошем настроении он мог бросить ей какие-нибудь объедки, а в плохом – и руку поднять. Какая там «надежная опора», она просто-напросто сама сунулась в логово тигра!

– Кайф, чертовски хорошо... Вот это я понимаю, человеческая жизнь, – Ван Жуй довольно причмокнул губами.

Внезапно он резко перевернулся и с силой дернул своей толстой ручищей. Застигнутая врасплох Чжао Юнин вскрикнула – грубая сила повалила ее прямо ему в объятия.

– Отличный массаж, – шершавая ладонь Ван Жуя погладила ее по щеке, в глазах читалось нескрываемое вожделение. – Иди сюда, дай-ка братик тебя еще хорошенько «приласкает»...

Тело Чжао Юнин мгновенно напряглось, в душе вспыхнуло отвращение, но она заставила себя выдавить покорную и кокетливую улыбку, до боли впиваясь ногтями в ладони.

...

В то же самое время в холодной комнате на третьем этаже царила совсем иная атмосфера.

Ли Вэнь и Чжао Даюн сидели вокруг старого железного таза, неизвестно где раздобытого, и грелись у огня.

В тазу догорали несколько ножек от стульев, выломанных из соседней пустой квартиры, и какие-то непонятные щепки. Пламя было слабым, но густой дым ел глаза так, что терпеть было невозможно. Дрова с треском сыпали искрами, а у обоих мужчин покраснели глаза, и они безостановочно кашляли.

– Кхы... кхы-кхы... Старина Ли, скажи... скажи, когда же эта проклятая жизнь закончится? – Чжао Даюн с силой шмыгнул носом. На этот раз не от дыма – он почувствовал запах.

В воздухе витал едва уловимый аромат горячей еды, который явно доносился из соседней комнаты, где обитали Цзян Цзюэ и его напарник.

– Этот сопляк Цзян Цзюэ за стенкой жрет от пуза и живет припеваючи, а нам остается только давиться лапшой быстрого приготовления да дышать этим смертоносным дымом! Что это за жизнь такая, твою мать?!

Ли Вэнь с раздражением швырнул в таз обломок ножки стола, подняв сноп искр.

– Да заткнись ты уже! Побереги силы и кончай нить! В наше время, если есть кусок в горло и ты не превратился в тех тварей снаружи – уже хорошо! А ты чего хотел? Свиную грудинку с белым рисом на каждый прием пищи? Размечтался.

Он сделал паузу, немного смягчил тон и добавил:

– Не забывай, если бы мы тогда чисто случайно не помогли деду Цзян Цзюэ самую малость, стал бы он нас кормить-поить все эти дни? Теперь этот должок давно исчерпан, халява закончилась, ты что, надеялся, что он будет содержать тебя до конца жизни?!

– Но... но мы же спасли жизнь его деду! – слова Ли Вэня только распалили Чжао Даюна, и он в сердцах швырнул зажатую в руке щепку прямо в огонь, подняв облачко золы. – Тогда у старика прямо в сквере микрорайона случился сердечный приступ, он рухнул на землю без сознания. Если бы мы случайно не проходили мимо и не вызвали скорую, у Цзян Цзюэ вообще деда бы не было! А теперь что? Отделался от нас парой порций обедков? Кто так дела делает?! Да это просто черная неблагодарность!

– Хм, спасли жизнь? – Ли Вэнь презрительно усмехнулся, на его лице читалась насмешка человека, познавшего людскую натуру. – За то, что мы просто сделали один звонок, он отвалил нам еды на столько дней! Это он еще очень расщедрился, вспомнив старые заслуги! Оглянись, какое сейчас время! Апокалипсис! Человечность тоньше туалетной бумаги! Прожили день – и слава богу. Кончай забивать голову всякой чушью и лучше подумай, где нам дальше искать еду!

Пока они препирались, дверь со скрипом отворилась. В комнату ввалился Ван Жуй. С раскрасневшимся лицом и сытым, довольным выражением, он на ходу вальяжно поправлял помятый воротник.

– Ух! Что за дымина? – едва переступив порог, Ван Жуй поморщился и начал махать рукой перед носом. – Холодно, конечно, но нельзя же так коптить! Если мы, какого черта, отравимся угарным газом и сдохнем – вот будет тупость! Даюн, ну-ка иди приоткрой окно, проветри!

Чжао Даюн, у которого и так трещала голова от угара и обиды на несправедливость жизни, нехотя поднялся, бормоча под нос:

– Если открыть, станет холодно... В такую собачью погоду тепло вообще не держится...

Он неторопливо доплелся до окна и потянулся, чтобы чуть-чуть приоткрыть узкую створку, но вдруг резко замер.

Его взгляд намертво прикипел к чему-то на улице внизу, а кровь со скоростью, видимой невооруженным глазом, отхлынула от лица, сделав его мертвенно-бледным.

– Чего застыл? Сказали же открыть окно, а ты волюнку тянешь! – раздраженно бросил Ван Жуй. Он подошел ближе и проследил за остекленевшим взглядом Чжао Даюна, выглянув на улицу.

В следующую секунду он тоже остолбенел, судорожно втянув холодный воздух. Ледяной ужас прошел его насквозь – от пяток до самой макушки!

<http://bllate.org/book/20912/2132848>